

Тот факт, что сам Безумный Генерал вместе с командиром Неро и ведьмой Серой проживали в “Пьяном Гусе”, быстро стал общественным достоянием. В итоге с них даже оплату сняли и предложили доплачивать по три золотые за каждый день проживания. Такого наплыва посетителей таверна не знала уже давно.

Неро, в чем Хаджар изначально не сомневался, с радостью купался в лучах славы и всеобщего обожания. Порой, правда, его безоблачные будни несколько омрачало присутствие Серы. Вернее то, как умело она шипела на всех тех молодых и пышущих красотой девушек, вьющихся вокруг завидного жениха.

Сам Хаджар редко когда выходил из номера. Стоило ему это сделать, как к нему за столик тут же подсаживались многочисленные люди, чьих имен и лиц он не знал. Это не мешало им делать вид, будто бы они короли всего мира, и бывший генерал просто обязан быть в курсе кто они.

Большинство приглашали домой с недвусмысленным намеком о нежном возрасте их дочерей.

Другие предлагали свои разнообразные услуги(вплоть до торговли запрещенными товарами) в обмен на несколько приятных слов, “случайно” оброненных Хаджаром во время торжества.

Все это выглядело настолько же неправильно, как если бы на военном плацу устроили бал. Так что внезапно для себя, Хаджар понял, что за прошедшие годы стал типичным солдафоном и гражданская жизнь ему чужда.

В его жизненном опыте было не так уж много моментов, когда бы он мог социализироваться на равне с остальными. Этому не способствовали ни месяцы в казематах, ни годы в рабстве, ни мириады длинных вечеров в борделе.

Все эти воспоминания, подавленные и приглушенные непрекращающейся войной, теперь возвращались к Хадажру.

Все чаще Неро и Сера замечали, что их друг становится хмурым, нелюдимым и порой опускает руку на рукоять клинка. В такие моменты они считали своим долгом увести незваных гостей в сторону от бывшего генерала. Не ради безопасности Хаджара, а ради самих несчастных, не подозревающих о том, насколько глубоко они засунули голову в пасть тигру.

Все это послужило тому, чтобы на кануне торжества, Хаджар решил позволить себе небольшую вылазку в город. Просто чтобы немного развеяться и взять себя в руки. Он не мог позволить какой-либо оплошности испортить его план.

Поздним вечером, когда на никогда неспящих улицах столицы опять царил атмосфера бесконечного и непрекращающегося “праздника жизни”, Хаджар приступил к подготовке. Он, оставив корм Азрее, снял свои излюбленные старые одежды и нацепил некое подобие камзола.

Этот пыточный инструмент, по недоразумению названный одеждой, на кануне доставил Ралпи. Мол, генералитет просил как-то приодеть генерала перед торжеством. Хаджар в ответ на это лишь неопределенно помахал рукой и мальчишка оставил наряд на кровати.

Застегнув все пуговицы, нацепив ботфорты и напялив красный плащ, Хаджар спрятал Лунный

Стебель за спиной. Оценив себя в зеркале, он нанес несколько умелых мазков белян, туши и прочего грима.

За время, проведенное в борделе, он научился едва ли не профессионально менять внешность при помощи “женских красок”.

Машинально поправив ножны, бывший генерал невольно скривился. Раны зажили еще вчера, но он все еще почему-то считал, что не должен обнажать клинка. Это было какое-то потустороннее, необъяснимое знание, которые он никак не мог найти нормального обоснования. Просто...чувствовал.

Запахнувшись по сильнее плащом, Хаджар надел широкоплую шляпу и вышел за дверь. Как всегда в соседнем номере было шумно. Сера никогда особенно не беспокоилась, если её ночные стоны и вскрики доставляли кому-либо неудобство.

Спустившись вниз по лестнице, Хаджар на мгновение оказался среди толп пьющих, едящих, слушающих бардов людей. Они на секунду отвлеклись от своих дел, но, увидев что с лестницы спускается вовсе не генерал, вернулись к прежним занятиям.

Убедившись в работоспособности своей “личины”, Хаджар вышел из таверны. Оказавшись на улице, он вдохнул свежий ночной воздух полной грудью и... тут же закашлялся.

Пахло лошадиным пометом, брагой, кофе, мокрыми улицами, чаем и прокисшим вином. Всем тем, от чего он успел отвыкнуть за время жизни в Черных Горах.

Улыбнувшись собственной брезгливости, Хаджар пошел вперед. Он брел бесцельно, почти не разбирая дороги. Останавливался около небольших питейных или кафе.

Слушал разговоры людей, смотрел на то как на площадях танцуют молодые, бросая мелкие монетки в подставляемые шляпы бардов. Он порой подолгу наблюдал за фонарями и их светом. Особенно, когда мимо проходили отряды городской стражи.

Те сновали среди гуляющих людей едва ли не чаще, чем по небу пролетали птицы. Так что, несмотря на всю атмосферу праздника, в воздухе пахло железом. Как в прямом, так и переносном смысле.

Свернув с центральных улиц, Хаджар углубился в более отдаленные районы торгового округа. Туда, где жили не столь богатые и где люди скорее выживали, стараясь не очнуться за вторым кольцом стены и не попасть к беднякам.

Здесь не было того праздника, что прежде. Тяжелая, ночная атмосфера слегка давила на плечи. Редкие люди, бредущие в столь поздний час по своим делам, постоянно озирались по сторонам. В каждом шорохе и каждом шелесте им чудились силуэты городских разбойников. Таких было не мало и от них не спасала, порой, и стража.

Зачастую, насколько помнил Хаджар, она могла еще и прикрывать разбой. Стояла рядом, в соседнем квартале, и отваживала не столь коррумпированных сослуживцев.

Но, к удивлению Хаджара, он не увидел ни стражников, ни редких прохожих. Улицы были пусты и тихи. Тусклый свет дешевых факелов, закрепленных на стенах домов, порой выхватывал из тьмы редкие площади со стоящими на них постаментами.

На этих постаментах возвышались от одного, до пяти столпов. Покрытые кровавыми корками,

они порой издавали не самый мелодичный железной звон. Это ветер качал закрепленные на них кандалы и колодки.

У Хаджара перед глазами появилась почти забытая сцена из, казалось бы, прошлой жизни. Это был один из последних дней его жизни в роли музыканта борделя. Тогда он шел по рынку и стал свидетелем того, как стражник до смерти забил несчастного старика и его внука...

- Остановитесь! Пойдите!

Не сразу Хаджар понял, что это вовсе не призраки прошлого тревожат его сознание. По мостовой, в сторону столпов трое стражников за волосы тащили полураздетого мужчину. Тот что-то кричал, пытался отбиваться, сдирая кожу с рук беспомощно стуча ими о латные рукавицы стражников.

Еще двое держали за руки побитую, покрытую синяками и ссадинами девушку. Сперва могло показаться, что именно мужчина её избил, но... учитывая кровавые змейки на внутренних сторонах бедер, учитывая порванную ночнушку, разбитый дом позади них, и абсолютно замасленные глаза стражей, становилось понятно, почему в городе больше не было разбойников.

Все разбойники каким-то чудом умудрились оказаться внутри доспехов с королевским гербом.

Мужчину привязали к столбу и один из стражей развернул хлесткий кнут. Тут же захлопнулись ставни и окна соседних домов и на улице стало еще тише.

Свистнуло острое жало кнута, но крика мужчины так и не последовало. Его остановила сильная рука.

Хаджар стоял в отдалении и так не мог понять, почему он не сдвинулся с места. Почему не помог мужчине. Но, все же, он был благодарен Небесам за то, что те послали иного спасителя.

Вернее - спасительницу.

<http://tl.rulate.ru/book/6918/169486>